

ЛЮБОВЬ ПО ИМЕНИ НИКИТА

Ему не хотелось сидеть одному в роскошном номере с видом на море. Жара и духота гнали прочь. Бессон спустился в бар отеля «Карлтон» ровно в полночь. В этот поздний час здесь почти никого не было. А тех двух-трех посетителей, что покачивали хмельными головами в такт зажигательной сальсы, меньше всего интересовал угрюмый всклокоченный блондин в растянутом свитере и стоптанных кожаных ботинках.

Бессон заказал себе виски и упал в глубокое кресло рядом со стойкой. Он прилетел сегодня из Лос-Анджелеса в Канн — ровно за день до начала 53-го фестиваля. Впереди одиннадцать дней нервной работы в жюри, а у него уже сейчас нет сил. И настроение на нуле. Почему? Ведь ничего особенного не произошло. Он начал вспоминать прошедший день: из аэропорта поехал прямо

на мыс Бена, к своей вилле, находящейся в вечном ремонте, потом — сюда, в каннский отель. Портюе вручил ему пухлую папку свежей почты, а ассистент — пачку деловых бумаг. Уединившись в номере, он принял душ, лег на огромную кровать и напряженно уставился в потолок.

Впервые он приехал сюда один.

Конечно же можно поднять трубку и позвонить дочерям. Но девочки вряд ли приедут его навестить. Их матерям это явно не понравится. Война и ненависть

Бессон принес Анн сценарий детектива «Никита». Она прочла его за час. «Скажи, зачем ты описал здесь мою жизнь? Кто тебе позволил заглядывать в меня и рассказывать другим, что ты там внутри увидел?»

— все, что осталось после того, как Бессон расстался с ними. А может, позвонить Милле? Вдруг она захочет приехать и провести с ним хотя бы один день? Нет, не придет: он слышал, что Милла увлечена парнем из

жал сломя голову, где не был счастлив и совершенно не хотел работать. Едва он услышал родную речь (даже не успев сойти с трапа), как лицо перекосила кислая гримаса. Здесь все напоминало о прошлом — об унизи-

Они не давали покоя целую неделю. Спасение Люк находил только в кинозале, отсматривая конкурсные картины. Это помогало забыться... Особенно комедии. И если бы не вечная тяга местных снобов к выпрен-

Бессон встретил Анн... в магазине. Он окинул взором обилие томатной пасты и колко спросил: «Вы будете принимать грязевую ванну?»

«Рэд Хот Чили Пепперс» и даже собралась за него замуж. К нему не придет никто — с этим надо смириться.

Люк цедил виски, понимая, что причина его угнетенного состояния в том, что он опять вернулся во Францию, на свою родину, откуда бе-

тельном выбивании денег на картины, о бесконечных судах, обвинявших его в плагиате, о женах и дочерях... Зачем он согласился быть председателем жюри? Зачем вернулся?

Эти вопросы бередили душу, свербели в мозгу и назавтра, и через день.

ней интеллектуальности, он точно отдал бы «Золотую пальмовую ветвь» той ленте, которая заставила его от души хохотать. К счастью, и во внеконкурсной программе было из чего выбрать: Люк ставил для себя галочки в списке фильмов, жанр которых

заявлялся как комедия, чтобы в свободную минуту пойти посмеяться.

До конца фестиваля оставались сутки, а в отмеченном списке — одна картина. Новая комедия Клода Лелюша «Одна за всех». «Хорошо, что все это заканчивается», — подумал он с облегчением, уже мечтая о том, как рухнет в уютное кресло самолета и унесется в Америку. Сев поближе к экрану, он настроился на приятное зрелище. Бессон любил Лелюша, и ему очень хотелось расслабиться. Как вдруг... Пошли титры — и сердце дрогнуло: Анн Парийо. Анн Парийо... «Боже мой, почему именно она, почему в мой последний день?»

Люк напрягся: можно встать и уйти из зала. Но так хочется остаться... Остаться и посмотреть. Посмотреть на нее. Он не видел ее целую вечность!

На экране появилась Анн, и он жадно вглядывался в ее облик. Тот же силуэт хрупкого «скелетика», впалая грудь, длинные прекрасные ноги. От короткой стрижки, которая ему так нравилась (это он постриг ее когда-то под «испуганного ежика»!), не осталось даже воспоминания — нечесанные космы, в беспорядке разме-

Здесь все напоминало о прошлом — об унижительном выбивании денег на картины, о бесконечных судах, обвинявших его в плагиате, о женах и дочерях...

«Я ненавижу себя на экране, не люблю своего голоса, я себе неинтересна, я... не знаю, какая я на самом деле»

танные по плечам. Густая челка чуть прикрывает глаза — эти огромные бирюзовые глаза с пушистыми ресницами, вокруг которых явно обозначились лучики мелких морщинок. Сколько ей теперь? Сорок. Всего? Откуда же эти предательские знаки уходящего времени? Ах да, он вспомнил — Анн терпеть не могла

ла жеманным, тонким голосом. Что за текст она произносит? Что вообще за чушь творится на экране? Бедняжка Анн, вот и еще одна пустая и ничемная роль для его великой маленькой актрисы! Никто ни до, ни после него так и не разгадал ее, не увидел в ней того мощного драматического потенциала, который мог бы сделать

лежку. Он подошел и, окинув взором обилие томатной пасты, колко поинтересовался:

— Что вы будете с этим делать, принимать грязевую ванну?

Анн, посмотрев исподлобья, буркнула:

— Это моя диета.

— Да я вас знаю! — вдруг выпалил

«Я и так знаю, что написано в моем гороскопе. Выйду бездарно замуж за толстого обывателя, рожу ребенка и вскоре останусь одна»

косметики, ей было все равно, как она выглядит. Она любила и принимала свое лицо таким, какое оно на самом деле. На ее тумбочке рядом с кроватью лежала только тушь для ресниц — единственное оружие красоты Анн, с которым она отправлялась в мир мужчин.

Она все также сутулилась, говори-

Анн настоящей звездой. А она ею все-таки стала, хотя всего лишь миг — короткий и яркий. В «Никите».

Бессон встретил Анн... в магазине «Супермарше Монопри», в Париже. Вначале Люк услышал звук ударяющихся друг о друга жестянок, а затем увидел тоненькую девушку. Она нервно швыряла консервные банки в те-

он. — Я вас видел в кино с Делоном.

— Серьезно? А я на такое дерьмо не хожу.

— А на что вы ходите?

— Мой любимый фильм «Голубая бездна», но вам это вряд ли понравится: заснете на втором кадре. Проснетесь через час, а на экране — все тот же морской пейзаж.

Почему они расстались? Ведь Люк был так увлечен своей «худенькой балеринкой», как он порой называл Анн

— Я произвожу впечатление такого тупицы?

— Вы производите впечатление закомплексованного маменькиного сынка. Кроме того, вы плохо одеты — у вас старые башмаки и рваный свитер. К тому же вы крашеный блондин, а это очень подозрительно.

— А если я вам скажу, что «Голубую бездну» снял я...

Едва Анн услышала эти слова, как ее глаза засияли:

— Ты это снял?! Тогда ты самый замечательный парень на земле!

— Я бы очень хотел никогда тебя не разочаровывать.

Люк и Анн бросили свои нагруженные тележки и напрямик направились в бар, где проговорили до трех часов утра. Она узнала, что эти старые ботинки, на которые обратила внимание в магазине, — часть его души. Их сделал по заказу Люка один мастер в Ницце, и с тех пор он с ними не расстается. Как-то на светской вечеринке у американского посла в Париже месье Бессона в дверях остановила охрана и попросила сменить обувь. Люк повернулся и ушел.

В ответ Анн рассказала, как в семь лет решила стать адвокатом. Но мать не одобрила столь серьезный выбор дочери и отдала ее в балетную школу, а затем на театральные курсы. «Актриса, — томно говорила мать, — что может быть лучше для женщины!»

«А меня это нисколько не интересовало, — жаловалась Анн. — Я топала ногами, визжала, но все впустую, пришлось подчиниться». Тайно от матери Анн читала книги по юриспруденции и лелеяла мечту, что в недалеком будущем (когда избавится от родительской опеки) сможет бросить театр и... Но эти мечты улетучились, когда в 17 лет режиссер Мишель Ланг пригласил Анн сниматься в фильме «Отель де ля Пляж». И началось... «Знаешь, не покидало ощущение, что меня каждый вечер приглашают в роскошные рестораны. Я конечно же ела всю эту потрясающую еду, но от нее воротило».

— Скажи, а с Делоном у тебя было серьезно?

— Нет, мы просто спали вместе. Я надеялась, что он мне предложит большое кино, а он предложил всего лишь свою постель. Знаешь, по-моему, Ален вообще не способен на чувство. Он жутко одинок и помешан на своих собаках. Однажды он сказал мне, что мечтает быть похороненным вместе со своими псами, потому что это единственные существа, кому он доверяет. Когда мы встречались, он еще не женился на Розали и у него не было этих милых деток — Анушки и Алена-Фабьенна. Делон был чрезвычайно нежен со мной, но бесконечно холоден. Мы могли промолчать весь день — он даже не замечал этого!

— Когда ты снималась с ним, газеты обзывали тебя подстилкой.

- Они правы. Кому интересно, что я собой представляю на самом деле? А я почему-то верила, что впереди меня ждет какая-то сумасшедшая роль. Ненавидела то, что делала, но сил и терпения прибавляла вера, что мое лицедейство сродни работе адвоката, который надевает мантию и произносит речь в защиту своего подопечного. Так и я — ряжусь в чу-

Хочу проводить детей, ждать мужа с работы и не высовывать носа из своего гнездышка. Увы, не судьба... Я ненавижу себя на экране, не люблю своего голоса, я себе неинтересна, я... не знаю, какая я на самом деле. У меня совсем нет уверенности в себе, зато полно комплексов. Поэтому мне постоянно нужна поддержка человека, в котором я бы отражалась, как в

Он проводил ее до рю Сен-Жак, где она снимала маленькую комнатушку в старом доме со скрипучей деревянной лестницей. Они договорились встретиться вечером в парке Монсо — там у Анн была любимая скамья перед небольшим, поросшим мхом гротом. Люк поцеловал на прощание ее руку — худую и бледную, как ветка высохшего зимнего куста.

Когда говорю себе: «Никита», тотчас вспоминаю, что была влюблена, растила дочь. Потом расставание с любимым, полный провал в кино...

жое платье и пытаюсь доказать, что моя героиня невинна.

Анн и сама не понимала, почему в ту ночь пустилась в такие откровения с незнакомым в общем-то человеком. Почему рассказывала ему обо всем, даже о самом сокровенном. Но ей нравилось, как он сидит скрестив руки, смотрит на нее во все глаза и слушает.

- Не хочу быть актрисой, мне вполне бы подошла роль скромной хранительницы семейного очага.

зеркале. Мне бывает хорошо только в те редкие минуты, когда роль позволяет забытья.

— Получается, ты сплошной недостаток?!

— Тем, кто хочет меня понять, я советую прочитать книгу Жана Кокто «Трудность бытия».

— В юности это была моя настольная книга...

— Значит, мы просто созданы друг для друга, — заключила Анн.

Когда Анн скрылась за дверью, он понял, что влюбился...

Со временем Люк узнал еще немало интересного об Анн — оказывается, ее отец — профессиональный астролог, и он не раз предлагал дочери прочесть составленный для нее гороскоп.

— Я всегда отказывалась. Не хочу ничего знать наперед.

— И тебе никогда не хотелось заглянуть туда хотя бы краешком глаза? — недоумевал Люк.

— Зачем? Я и так знаю, что там написано, — пожала плечами Анн. — Выйду бездарно замуж за толстого обывателя, рожу ребенка и вскоре останусь одинокой, брошенной всеми.

— А я думаю, что в твоём гороскопе написано совсем другое: после долгих мытарств и страданий ты наконец встретишь большую любовь, родишь ребенка и станешь звездой номер один, оставив далеко позади все переживания и неудачи прошлого.

Кадр из фильма «Человек в железной маске»

та». Она прочла его за час, пока Люк, ерзая на стуле, нервно курил «Житан».

На последней странице она расплакалась: «Скажи, зачем ты описал здесь мою жизнь? Кто тебе позволил заглядывать в меня и рассказывать другим, что ты там внутри увидел? Сволочь...»

У Анн началась истерика: «А наша сцена в супермаркете, это такое личное, теперь ведь все о ней узнают...»

...Воспоминания захлестнули Люка, и он поймал себя на мысли, что

не смотрел в сторону «глухенькой подстилки Делона», — теперь они расшаркивались перед Парийо и были готовы тут же выписать чек на пять миллионов франков, только бы она согласилась у них играть...

Люк и Анн жили в съёмной квартире на улице Рике и мечтали сделать еще один совместный фильм — на этот раз фантастическую историю о женщине, выжившей после глобальной катастрофы. У нее ничего нет, кроме альбома фотографий, двух платьев и чудом сохраненной беременности. Она прекрасно сознает, что в мире не осталось никого, кроме нее и будущего ребенка.

Анн была одержима сюжетом и часто разыгрывала с Люком отдельные диалоги еще не написанного сценария. Она настаивала, чтобы Люк «спас» еще и мужчину, доказывая, что история одной женщины никому не интересна. Люк отказывался... И только сейчас, вспоминая об этом, он вдруг понял: Анн будто предчувствовала, что их любовь жила на сыпучем песке, она будто знала, что потеряет его...

Почему они расстались? Ведь Люк был так увлечен своей «худенькой балеринкой», как он порой называл Анн. («Иногда я боюсь до тебя дотрагиваться, боюсь сломать тебя, соломинку», — говорил он Анн.)

Как-то на вечеринке он познакомился с 16-летней Майвенн и влюбился. У нее были длинные волосы и фантастически сексапильная внешность — большие глаза, пухлые губы. Люк потерял голову от Майвенн. Он стал ее первым мужчиной, рядом с ней, почти ребенком, ему было неве-

У него не было слов для оправдания. У него вообще их никогда не было. Майвенн он изменит с Миллой Йовович, Милле — с Эстеллой Уоррен

— Звездой номер один? Откуда ты знаешь? — удивленно переспросила его Анн.

— Потому что ею тебя сделаю я. Я напишу роль, которая прославит тебя на весь мир — роль... с тебя самой, моей Анн, за хрупкостью которой скрывается такая сила духа, что ей позавидует любой.

Через полтора месяца Бессон принес Анн сценарий детектива «Ники-

совершенно не смотрит фильм Леша. На экране визжали какие-то девчонки, среди них мелькало и лицо Анн — его любимой, единственной Анн, с которой он был так счастлив. Которая родила ему дочь. Которая мечтала, что их любовь будет длиться вечно. После фантастического успеха «Никиты» она сразу стала очень популярной. Ее приглашали сниматься те, кто раньше даже

роятно легко и просто от ощущения своего превосходства и силы. Майвенн подчинялась беспрекословно — куда там до вздорной истерички Анн! Они встречались тайком. Сначала Люк лгал, что «работает с продюсерами», а сам уезжал на целый вечер к Майвенн, и они без усталости занимались сексом. Потом Майвенн забеременела и решила сама сообщить Парийо, «...что ее муж больше к

Где сейчас Анна? В кого влюблена?
Или по-прежнему одна? Пьет ли все так же
по утрам ежевичный чай с ломтиком сладкой
булочки? Читает ли по-прежнему Кокто?

ней не вернется» — Бессон сам не мог признаться Анн в измене. Он даже не пришел за вещами на улицу Рике. Не позвонил. Ему хотелось одного — убежать, скрыться, чтобы никогда больше не заглядывать в ее глаза, не видеть в них боли, которую причинил ей. А тут еще газетчики как сговорились: «...Бессон хочет сделать карьеру в Америке!» Знали бы эти треклятые журналисты, что он бежал от той единственной женщины, которую не мог любить, как прежде, и которую не мог вырвать из себя.

У него не было слов для оправдания. У него вообще их никогда не было. Майвенн он изменит с Миллой Йовович, Милле — с Эстеллой Уоррен.

Пока Люк жил с Майвенн и растил вторую дочь, он издали следил за передвижениями звезды Парийо (она неожиданно уехала сниматься в Америку) и как-то, листая журнал, наткнулся на интервью с Анн.

«— Что принес вам успех «Никиты»?

— Одиночество и опустошение. Хотя нет, еще краткий миг полноценного счастья — и творческого, и личного. В этом фильме соединилось все самое лучшее и мучительное, что жило во мне. Когда говорю себе: «Никита», тотчас вспоминаю, что была тогда влюблена, растила дочь, рождалась как звезда. Но это первый слой эмоций, потом захлестывает сплошной негатив — расставание с любимым, полный провал в кино, скука и одиночество. Возможно, «Никита» — это лучшее, что я сделала в своей жизни. А может, у меня еще все впереди и я себя, как всегда, недооцениваю».

Люк опомнился, когда на экране появилась короткая надпись: «Конец фильма».

Он вышел из зала на улицу. Стоял душный вечер. Волны сердито бились о набережную Круазетт. Бродячий шарманщик крутил тоскливую мелодию, под которую его старый кот то и дело чихал. У Люка сжалось сердце. Было горько и тошно. Его милая и потерянная Анн, где она сейчас? Она думает, что лучшее ее достижение — Никита... А он, разве он так не думает о самом себе? Разве он не говорил себе тысячу раз, что ничего лучше «Никиты» так и не снял?..

Люк не заметил, как оказался на пляже Гольф-Жуан. Темнело. Волны шипя накатывались на песок и пятились обратно в море. Даже они убега-

ли от Люка, как и его любовные воспоминания. Ветер трепал волосы. Ему было очень одиноко...

Где сейчас Анн? В кого влюблена? Или по-прежнему одна? Все так же носит вещи от «Шанель», в которую влюбилась, когда появились первые крупные гонорары?

Пьет ли все так же по утрам ежевичный чай с ломтиком сладкой булочки? Читает ли по-прежнему Кокто? Что делает их дочь, ведь ей недавно исполнилось 13? По-прежнему ли Анн снимает квартиру, все так же боясь оседлости? Носит ли на руке смешной браслет-талисман, сплетенный дочкой на счастье? А если ей сейчас трудно, вспоминает ли урок «Никиты» — когда жизнь, кажется, уже кончилась, надо все равно за нее бороться. И жить во что бы то ни стало. Жить и драться.

Покинув пляж, Бессон заглянул в «Пальм д'Ор» и заказал двойное виски. Зазвонил мобильный телефон: оказывается, месье председателя жюри срочно ждут на вечеринке в Бункере (так называют фестиваль дворца). Люк пообещал, что придет через несколько минут — там можно выпить и забыться до утра.

В Бункере вокруг него чинно дефилировал весь цвет киношной братии — от ледяной Катрин Денев, капризно поджимавшей нижнюю губу, до беременной Кристин Скотт-Томас, усердно налегавшей на минералку. Внезапно взгляд Люка выхватил из толпы тонкую женскую фигуру в открытом черном платье. Боже, это же она! Это Анн. Волосы собраны в пучок, челка прикрывает глаза — огромные, глубокие, потускневшие. Теперь они казались синими. Парийо вертела на пальце ключи от машины, и весь ее озабоченный вид говорил о настойчивом желании поскорее спастись от этой сутолоки совершенно ненужных ей людей. Бессон почувствовал: вот сейчас он может подойти к ней, взять за руку и увести. Они сядут в ее машину и, может быть... заговорят, как прежде? Получится ли у них разговор, возможно ли все начать сначала?

Он сделал шаг навстречу. Ее глаза, бесцельно скользящие по лицам, вдруг споткнулись о Бессона. Парийо какое-то мгновение смотрела на него пустым, ничего не выражающим взглядом, а затем резко повернулась и ушла, ни разу не оглянувшись.

Ми́ла Тарасова